

С. Г. Айвазова

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Гендерные исследования — междисциплинарная по своей природе отрасль науки сфокусирована, в первую очередь, на проблематике власти во всех ее измерениях: политическом, социальном, экономическом, культурном. Парадокс, однако, заключается в том, что гендерные исследования, утверждающиеся в России с 90-х годов, медленнее всего проникают именно в политическую науку, главным предметом которой по определению являются отношения власти.

Это во многом связано с состоянием самой российской политической науки. В ней до сих пор идут споры по самым ключевым понятиям. Нет единых подходов ни к тому, что такое «власть», ни к тому, что такое «политика», «политическая система», и можно ли использовать два последних понятия при изучении властных отношений в России.

Тем не менее, российским специалистам в области гендерных исследований удалось добиться определенных успехов. В частности, удалось освоить достижения западной науки в области политической социологии, а с другой стороны, на российском материале показать взаимосвязь и взаимозависимость проблематики гендерного равенства и модернизации, а также демократизации общественных систем. Эти вопросы принципиально значимы для развития страны. Они способствуют институционализации гендерных исследований в России.

Поскольку своей методологии для исследований гендерной составляющей политического процесса в нашей науке пока нет, проанализируем гендерное измерение политического процесса в России периода реформ сквозь призму двух достаточно известных в американской политологии концепций Вирджинии Шапиро и Виолы Клейн, а именно: «интеграции» и «маргинальности».

В чем их эвристическая ценность?

Согласно первой из них, массовое вовлечение, или интеграция, женщин в политический процесс снимает неоправданную напряженность не только в отношениях между полами, но и в нормативном взаимодействии сфер публичной и приватной жизни — напряженность, подрывающую основы консолидированной демократии¹.

Согласно второй, политическая маргинальность есть контекст существования в современном мире не только женщин, но вообще всех слоев населения, страдающих от неравенства, несправедливости, эксплуатации. Их по традиции относят к «меньшинствам», хотя на самом деле они образуют большинство общества. Представители этого непризнанного большинства оказываются исключенными из процесса принятия решений. Они не способны воздействовать на политическую повестку дня, вынуждены адаптироваться к чужим и чуждым политическим решениям², что порождает у них настроения иждивенчества, ожидания покровительства и т.д. Такая ситуация чревата

скатыванием к авторитаризму, она свидетельствует о непрочности демократических основ общества, значит — требует серьезных перемен.

Итак, интеграция или маргинальность женщин в сфере политики — какой из этих подходов к политическому участию женщин характерен для России в период реформ?

Заявленная властями и зафиксированная в принятой в 1993 году Конституции установка на построение в стране демократической политики в принципе предполагала, что женщинам должна быть обеспечена — не только юридически, но и фактически — вся совокупность прав человека, включая право на участие в принятии политических решений. Как протекает этот процесс?

В развитие конституционной нормы гендерного равенства в 90-е годы появляется целый ряд правовых документов, подписанных как президентом, так и главами правительства и Государственной Думы. Решили ли эти многочисленные законодательные акты, указы, постановления проблему гендерной асимметрии власти? Нет, не решили. Почему? Скорее всего, государство и не собиралось реализовывать намеченные институциональные подходы, поскольку практически все принятые исполнительной и законодательной властями документы имели сугубо декларативный характер — они не предусматривали ни финансовых, ни организационных ресурсов для обеспечения тех обязательств, которые формально были взяты государством.

Показателен, например, тот факт, что из государственного бюджета не финансировались напрямую ни первый, ни второй Национальный план по улучшению положения женщин.

Показательно и то, как реализуется в России требование международных договоров о создании в стране единого национального механизма, или властной вертикали, предметом деятельности которой станет обеспечение гендерного равенства. Такие структуры существуют практически во всех развитых демократиях мира. Что же происходит с ними у нас?

В 90-е годы формируется целый ряд органов, обладающих в основном консультативно-координационными функциями. Это — Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи в Государственной Думе, Комиссия по делам женщин при Председателе Совета Федерации, Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ, Департамент по делам детей, женщин и семьи в Министерстве труда и социального развития.

Деятельность этих структур — при всем их различии, предопределена рядом общих обстоятельств. Первое, и, пожалуй, главное из них, заключается в том, что существование каждого из этих органов обосновано не специальным законом, а либо постановлением правительства, либо постановлением других государственных органов и потому всецело зависит от взглядов и намерений руководства той или иной государственной структуры. Не случайно, скажем, в какой-то момент, после пяти лет довольно успешной работы, при очередной реорганизации Администрации Президента исчезла Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Точно также после реформирования Совета Федерации растворился в недрах новых структур Комитет по делам женщин при Председателе Совета Федерации. В момент

очередного парламентского кризиса в конце мая 2002 года был поставлен под удар и парламентский Комитет по делам женщин, семьи и молодежи.

Вторая особенность состоит в том, что эти органы действуют в основном на федеральном уровне — у них нет своей развитой инфраструктуры в регионах страны. Исключение в этом плане составляет лишь межведомственная Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ. Только ее деятельность в последние годы стала опираться на соответствующую институциональную вертикаль в субъектах РФ. И то далеко не во всех. По официальным данным, аналогичные Комиссии действуют в 31 регионе страны; в остальных они отсутствуют. Правда, достаточно развитой институциональной базой обладает Департамент по делам детей, женщин и семьи в Министерстве труда. Он имеет соответствующие подразделения практически во всех регионах страны, но не как самостоятельный орган, а как подразделение, действующее в органах социальной защиты населения.

Отсюда становится очевидной третья особенность данного национального механизма. Судя по названиям этих органов и их размещению в структуре исполнительной власти страны, в государственной политике в области равноправия нет единого концептуального подхода ни к определению ее целей и задач, ни к средствам и формам их достижения. Больше того, приходится констатировать, что государственную политику в этой сфере определяет не принцип гендерного равенства, закрепленный в действующей Конституции. Нынешняя исполнительная власть скорее ориентируется на прежний социалистический подход к реализации идеи равноправия с акцентом на государственный патернализм и сложившийся в его русле концепт «улучшения положения женщин».

Во многом поэтому гендерная асимметрия по-прежнему остается одной из наиболее характерных черт российской политической системы. Это доказывают статистические данные.

Согласно Госкомстату, в структуре занятого населения среди руководителей органов власти и управления, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий, — 5,3% мужчин и только 3,2% женщин. В общей численности работников, занимающих государственные должности в органах государственной власти РФ, женщины составляют 70,6%, мужчины — 29,4%. Так называемые «высшие» должности занимают 23,3% женщин и 76,7% мужчин.

Государственные должности прокуроров и следователей занимают 37% женщин и 63% мужчин.

В составе действующего правительства РФ — одна женщина. Среди депутатов нижней палаты парламента — Государственной Думы РФ показатель представленности женщин неуклонно снижается. В Государственной Думе третьего созыва, избранной в декабре 1999 года, — их только 7,7%. Среди членов Совета Федерации около 3% женщин — 6 из 178 сенаторов.

В числе глав субъектов РФ нет ни одной женщины. Среди депутатов законодательных собраний регионов около 9% женщин. Только 3 из 89 региональных законодательных собраний возглавляют женщины. В то же время, женщины составляют более 40% депутатов, работающих в органах местного самоуправления.

Такую структуру власти социологи называют «гендерной пирамидой». Государство, похоже, считает эту пирамиду «естественной». А как расценивают ее другие агенты политического действия?

Поскольку основным каналом выхода в политику, наводным мостом между гражданами и государством, призваны, по определению, служить политические партии и движения, то важно, прежде всего, понять, как они стимулируют женскую политическую активность.

Среди руководителей крупнейших политических партий, имеющих свои фракции в парламенте и оказывающих реальное воздействие на политику страны, женщин почти нет. Исключение составляет И. Хакамада, которая входит в тройку лидеров партии «Союз правых сил».

С другой стороны, известно, что все политические партии и движения охотно используют женщин в избирательных кампаниях в качестве агитаторов, наблюдателей, членов избирательных комиссий. Какую же поддержку они оказывают женщинам, если последние демонстрируют намерение баллотироваться кандидатом в депутаты парламента?

Анализ парламентских выборов 1999 года показал, что именно политические партии нарушают конституционную норму равноправия уже на предварительном этапе избирательной кампании — при подготовке списков кандидатов в депутаты от своих организаций, в которые попадает лишь 10–12% женских имен.

Эти нарушения напрямую сказываются на гендерном составе Государственной Думы.

В момент избрания Государственной Думы третьего созыва (450 депутатов) депутатский мандат получили 34 женщины (7,7% от общего числа депутатов). В руководящем составе Думы представительство женщин выглядит следующим образом: среди руководителей парламентских фракций нет ни одной женщины. Среди 9 заместителей Председателя две женщины — *депутат от блока «Единство» Л. К. Слизка и депутат от фракции СПС И. М. Хакамада*. Среди председателей 29 Комитетов — *две женщины: представительница фракции КПРФ С. П. Горячева возглавляет Комитет по делам женщин, семьи и молодежи; представительница депутатской группы «Народный депутат» В. Н. Пивненко — Комитет по проблемам Севера и Дальнего Востока*. Автоматически в главный парламентский орган — Совет Государственной Думы, в который входят Председатель Думы и его заместители, руководители фракций и Комитетов, попали только 4 женщины (примерно 8% от его состава). Между тем Совет Государственной Думы решает самые важные вопросы ее жизнедеятельности: формирует повестку дня, определяет приоритеты законотворческой деятельности, очередность принятия подготовленных законопроектов и т.д.

Совершенно очевидно, что гендерная структура нынешней Государственной Думы свидетельствует о маргинальном положении женщин на политическом Олимпе, что чревато несколькими последствиями разного плана.

Во-первых, маргинальность женщин-парламентариев резко усложняет их деятельность, отражается на характере их законотворчества, на выборе приоритетов при голосовании, а также — на их самооценке. Ведь они не могут не ощущать свою «инаковость», чужеродность в этом мужском царстве. Их действия, в отличие от действий коллег мужчин, оцениваются по двойным стандартам. Им выносят вердикт и как политикам с традиционным, значит — мужским, набором качеств, и как женщинам, которые обязаны сохранять

«женственность», дабы не быть осужденными общественным мнением. По остроумному замечанию одной опытной политической деятельницы, чтобы женщину стали считать заметной фигурой в политике, она «должна работать, как лошадь, и вести себя, как леди». Это редко кому удается. А если и удастся, то ценой больших перегрузок и психологических травм, а то и потерь, таких, как распад брака, проблемы с детьми и т.д. Проще всего в этом случае копировать поведение мужчины-политика, или мимикрировать под него. Но в таком случае пропадает всякий смысл идеи женского представительства во власти.

Кроме того, как уже неоднократно отмечалось специалистами, сферы политической ответственности женщин, как правило, совпадают с традиционными женскими обязанностями — это вопросы социальной защиты, семьи, материнства и детства. Первая женщина-министр в истории России — графиня Софья Панина получила пост главы Министерства социального призрения после Февральской революции 1917 года, затем, в дни Октябрьской революции, он перешел к большевичке Александре Коллонтай. В сегодняшнем российском правительстве блок министерств, занимающихся социальными вопросами, курирует вице-премьер Валентина Матвиенко. Причем эти вопросы до сих пор воспринимаются обществом не как самые важные для человека и его повседневной жизни, а как второстепенные. Это значит, что традиционный стереотип «естественного» предназначения женщины воспроизводится на уровне «большой» политики даже тогда, когда женщины попадают туда, действуя вопреки традиционному канону женского поведения. И это, так или иначе, ощущается основной массой женщин, которые и без того никогда не имели вкуса к политике, а глядя на эти «образцы», могут потерять его окончательно.

Во-вторых, маргинальность женщин в структурах законодательной власти приводит к дисбалансу самой этой власти. Преимущественно «мужской» парламент не способен учитывать ни политических и социальных интересов российских женщин, ни их особого социального опыта. Гендерный дисбаланс властных структур негативно сказывается, в первую очередь, на повседневной жизни российских женщин. Только один пример: средняя заработная плата работниц в т.н. женских отраслях производства (легкая, текстильная промышленность) составляла в 90-е годы около 40% от средней заработной платы по стране. В то же время средняя заработная плата в т.н. мужских отраслях производства (нефтедобывающая) — 360%. Можно легко доказать, что все экономическое законодательство, создаваемое российским парламентом, — налоговое, таможенное, кредитно-денежное — объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, поскольку оно ориентировано на создание более благоприятных условий для «мужских» отраслей экономики, чем для отраслей «женских».

В-третьих, маргинальность женщин в сфере политики напрямую воздействует еще и на характер решений, принимаемых по основным вопросам развития общества. Известно, что мужчины склонны скорее к силовым реакциям. Женщины же отличаются большей гибкостью, стремлением к компромиссу и диалогу при анализе конфликтных ситуаций.

Между тем, женщины — эти «политические лишешки» с точки зрения соблюдения пассивного избирательного права, обладают достаточно мощным гражданским ресурсом — правом голоса, или активным избирательным правом. Как они используют его? И как в целом отражается политическая маргинальность женщин на характере гендерных различий в политических предпочтениях наших соотечественников?

В парламентских выборах 1999 года приняли участие 66% женщин и только 59% мужчин. Продемонстрировав, как обычно, более высокий уровень электоральной активности, женщины — к тому же численно преобладающие в составе населения — оказали значительно большее, чем мужчины, влияние на исход выборов: среди их участников доля женщин составила 56%, а мужчин, соответственно, — 44%.

Маргинальность политического статуса женщин напрямую предопределила характер их поведения в момент выборов. Это поведение было продиктовано их «пониженной» в сравнении с мужчинами политической ангажированностью и «повышенной» склонностью к конформному политическому поведению — к оглядке на «чужую» систему ценностей, к выбору по аффективным, а не по рациональным мотивам, не в пользу конкретного лица, а в пользу его статуса.

В частности, как показывает анализ опросов общественного мнения, проводившихся в тот момент, в «информационной войне» — ударной составляющей избирательной кампании 1999 года, женщины оказались более уязвимыми «мишенями», чем мужчины. Они благосклоннее, доверчивее относились к СМИ и чаще прислушивались к завуалированным рекомендациям, сквозившим в новостных и аналитических программах телевидения. Они чаще заявляли, что именно последние привлекли их внимание к выборам. Значит, собственный интерес к выборам был у них несколько меньшим, чем у мужчин.

Кроме того, женщины намного реже, чем мужчины, объясняли свой выбор согласием с программными установками избранной партии либо уверенностью в том, что она «способна вывести страну из кризиса». Иначе говоря — реже ссылались на рациональные соображения. И гораздо чаще объясняли свой выбор доверием и симпатией к партийным лидерам.

Известно, что российский избиратель склонен персонифицировать конкурирующие политические силы, а механизмы собственно партийной идентификации в отечественной политической культуре развиты сравнительно слабо. Но иначе и быть не может. Ведь процесс «партийного строительства» начинается заново на старте каждой очередной избирательной кампании. И только две политические организации — КПРФ и «Яблоко» — функционируют не как «одноразовые» избирательные объединения, а как более или менее «нормальные» парламентские партии. Тем не менее, показательно, что именно женщины особенно охотно признают доверие или симпатию к партийным лидерам главным мотивом, определившим их политический выбор.

Приведенные примеры дают основание утверждать, что маргинальность женщин в политике имеет своим следствием инерционность, консерватизм политического поведения избирательниц и потому может рассматриваться как одно из весьма существенных препятствий, ограничителей на пути демократической трансформации российского общества. Впрочем, мужское политическое поведение — тоже далеко не идеально с точки зрения демократических ценностей. Но в ценностных ориентациях и политических установках мужчин и женщин обнаруживаются две принципиально расходящиеся системы «комплексов». Патерналистская составляющая советской традиции в большей мере воспроизводится в политических оценках женщин, «имперская» составляющая — в оценках мужчин. Если первым более

свойственен комплекс социального бессилия, побуждающий ориентироваться на государственное покровительство, то вторым — иные, «имперские» комплексы, также препятствующие освоению демократических ценностей.

Для преодоления «своего» общественно-политического комплекса женщины имеют сегодня дополнительный институциональный ресурс, а именно — независимое женское движение.

Посмотрим на последнее только с этой точки зрения. Чего здесь удалось добиться женским организациям? Во-первых, отметим, что только благодаря собственному напору в 1993 году, в момент подготовки нынешней Конституции, женские организации сумели настоять на включении в ее текст нормы равенства прав и возможностей женщин и мужчин.

Во-вторых, знаковым событием в этом плане стала победа общественно-политического движения «Женщины России» на парламентских выборах в декабре 1993 года и формирование в Государственной Думе женской парламентской фракции. Чем оно значимо? Впервые в истории страны женщины вышли на выборы в качестве самостоятельной силы, чтобы добиться изменений в структуре отношений «женщины — власть». Эта заявка по-своему обнаружила «гендерную» окраску власти, которая до той поры претендовала на нейтральность и универсальность, но оставалась, по сути, властью «мужской».

На выборах 1995 и 1999 годов общественно-политическое движение «Женщины России» не сумело преодолеть 5%-ный барьер, необходимый для прохождения в Думу. Отныне женское движение должно искать другие пути, которые вели бы к интеграции женщин в политику. Один из них был известен как из собственного опыта, так и из опыта западноевропейских стран, успешно справившихся с задачей преодоления гендерной асимметрии в политике. Это — нормативное регулирование представительства женщин в структурах власти. Оно осуществляется либо политическими партиями, закрепляющими такие нормы в своих уставах, либо соответствующими государственными законами. По привычке советского времени такого рода нормы называют у нас «квотами». Сама их идея долго вызывала отторжение в политическом сообществе.

Тем не менее, начиная с 2000 года, крупнейшие женские организации — Движение женщин России, Консорциум женских неправительственных объединений и др. начинают добиваться разработки и принятия специальных законов, которые обеспечили бы реальную интеграцию женщин в политический процесс. В частности, весной 2000 года Консорциум неправительственных женских объединений обращается в Комитет по связям с общественными объединениями и религиозными организациями Государственной Думы с предложением начать разработку законопроекта «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей женщин и мужчин». Это предложение было принято. Началась подготовка данного законопроекта.

В нем намечалось закрепить систему «позитивных действий» со стороны государства, которая позволила бы обеспечить фактическое равноправие мужчин и женщин: при осуществлении как активного, так и пассивного избирательного права; при поступлении на государственную службу и при ее прохождении, а также при формировании состава руководящих структур государственных органов и органов местного самоуправления. А также — предусмотреть создание, как на федеральном, так и на региональном уровнях,

специальных органов власти, предметом деятельности которых станет обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

К настоящему моменту законопроект практически готов. Он прошел общественную экспертизу.

Параллельно с этим законопроектом и в соответствии с его идеологией его разработчики внесли ряд поправок к другим, обсуждавшимся в Государственной Думе, законодательным актам. В частности, была предложена специальная поправка в Закон о политических партиях. Ее включили в виде особой нормы в статью 8, пункт 2 данного Закона. Она обязывает политические партии «создавать мужчинам и женщинам, гражданам Российской Федерации разных национальностей, являющимся членами политической партии, равные возможности для представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления». Государственная Дума проголосовала за включение данной нормы в Закон о политических партиях.

Однако аналогичные поправки к закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», второе чтение которого состоялось в Думе в конце апреля, постигла неудача. Эти поправки предусматривали систему мер, обеспечивающих равноправие женщин при отправлении пассивного избирательного права. Они требовали, прежде всего, чтобы число лиц одного пола в списках кандидатов не превышало 70% от общего числа кандидатов. В разных вариантах их выдвигали депутаты от противоборствующих политических сил. Это-то противоборство и сказалось, в конечном счете, на результатах голосования. Тем не менее, обнаружилось, что больше трети российских парламентариев в принципе готовы поддержать идею сбалансированного гендерного представительства в структурах законодательной власти.

Что еще важно. По мере обсуждения всех этих законодательных инициатив стал понемногу усиливаться интерес политического сообщества — и общества в целом — к проблематике гендерного равенства. Его отражением можно считать, в частности, актуализацию задач по программному освоению идей гендерного равенства политическими партиями. Эту задачу так или иначе решают сегодня центристы из «Единой России», «Яблока», СПС. Наряду с этим в общественном мнении постепенно стало складываться представление о легитимности требований женских организаций, включая требование интеграции женщин в политический процесс.

Но это — только начало пути. Интеграция женщин в общественно-политическую жизнь России будет во многом зависеть и от общего политического контекста, вектор которого все еще остается достаточно неопределенным; и от того, в каком направлении будет развиваться само женское движение; и от того, насколько представители науки, занимающиеся гендерными исследованиями, сумеют объяснить обществу и власти, в чем заключается смысл идеи гендерного равенства.

Нам предстоит показать:

почему мы считаем, что проблематика гендерного равенства является знаковой при анализе современного российского политического процесса;

каким образом гендерная асимметрия предопределяет как структуру приоритетов российского государства, так и характер принятия решений;

почему мы утверждаем, что Россия остается страной неэффективно управляемой, расточительной с точки зрения использования человеческих и природных ресурсов, не способной к устойчивому развитию и стабильности;

и почему, наконец, массовое вовлечение женщин в социально-политический процесс могло бы позволить переставить акценты в определении основных направлений государственной политики, выдвинуть в число первоочередных проблемы образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и науки.

В этом случае ресурсы страны были бы, наконец, направлены на повышение уровня жизни всех граждан и на укрепление социальной безопасности, как это происходит в тех странах, где женщины и мужчины на равных участвуют в определении целей и задач общественного развития.

Российские специалисты крайне робко подступают к решению важнейших проблем, возникающих на стыке политологии и гендерных исследований. Все еще нет ответа на принципиально значимые вопросы: о характере гендерных отношений в современной России, о взаимозависимости разделения властей и перераспределения властных полномочий между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами.

Библиографический список

¹ *Sapiro V.* The political integration of women. Univ. of Illinois press, 1984.

² *Klein V.* The feminist character: A history of ideology. Univ. of Illinois press, 1972.